

И вновь эти неудобные раздумья о Гарри и его устранении из существования. Только тот факт, что Петри только что произнес Непреложную клятву, удерживал его от эмоционального буйства или попытки сбежать. — Есть заклинание, которое называется Фиделиус, — неожиданно начал Петри. — Оно позволяет полностью скрыть секрет от обнаружения. Только хранитель секрета может раскрыть содержащуюся в нем информацию. Уверен, вы понимаете, что это либо самая мощная, либо самая слабая защита, так как все зависит от доверия. Гарри кивнул, хотя все еще не понимал, зачем Петри использует это заклинание. Может, он хотел сделать их местоположение тайным, а не невидимым? Насколько знал Гарри, чтобы сделать место трудным для поиска, нужно было просто не упоминать о нем, и это казалось достаточным для защиты их кемпинга. — Я хочу поставить твою личность под Фиделиус. К сожалению, это требует доверия, которого у нас недостаточно. Это был бы лучший выбор, если бы мы могли как-то управлять этим, — продолжил Петри. — Если я должен вам доверять, — заметил Гарри, — то не могу. Петри не удивился, поправив: — Не я. Я должен произнести заклинание, а заклинатель не может хранить тайну. Это должен быть Розенкол. — Вы серьезно? — спросил Гарри, не придавая вопросу особого значения. Ему не хотелось доверять Розенколу, как и самому Петри, хотя в их отношениях было больше вежливости. Ну, за исключением тех случаев, когда Петри пытался его убить. — Я думаю, вы с Розенколом сможете уладить свои разногласия. Мы подождем месяц, и если это не сработает, я подготовлю другие меры, — заявил Петри. Месяц казался недостаточным, чтобы узнать этого угрюмого человека до такой степени, чтобы Гарри мог ему доверять. Но, возможно, все зависело от того, что подразумевалось под словом «доверие». Гарри не стал говорить об этом вслух, спросив вместо этого: — Какие еще меры? — Лучше всего было бы инсценировать смерть, — ответил Петри, сделав паузу и нахмурившись. — Для этого мне нужно создать Обратное зелье, чтобы сделать подлинное тело. Но на это может уйти до месяца, как я уже говорил, а я не мастер зелий. Кроме того, это рискованно. Гарри не претендовал на знание механики создания «подлинного» трупа, но представлял это жутким замыслом. Заклинание Фиделиуса, каким бы сложным ни было его применение, звучало относительно безобидно. — Я попробую поговорить с Розенколом, если он тоже будет этого желать, — сказал он. — Вам двоим лучше начать, — предложил Петри. — Черт возьми, я так долго терпел ваше соперничество. Соперничество — странное слово, подумал Гарри, но промолчал. В этот момент дверь слегка приоткрылась, и Розенкол просунул голову внутрь, словно подслушивал их разговор. Не то чтобы это было техническим подслушиванием, но все равно выглядело несколько грубо. — Он маг, — пожаловался Розенкол по-немецки, даже не глядя на Гарри. Петри вздохнул. — Именно это ты и сказал, когда увидел меня в первый раз, — ответил он. Розенкол выглядел смущенным. — Мастер Йохим показал, что я ошибался. Мастер Йохим силен, — пробормотал он. — Гарри не маг. Он необразованный. Ты можешь научить его, — сказал Петри домовому эльфу, затем повернулся к Гарри. — Розенкол прав. Тебе пора научиться произносить заклинания. Гарри почувствовал внезапный прилив возбуждения. — Вы хотите сказать, что я наконец-то достаточно взрослый? — Ты же говорил мне, что родился в конце июля, верно? Вчера или позавчера у тебя был день рождения, — проинформировал его Петри. — Это вполне приемлемо. Гарри моргнул. — Как долго я спал? — спросил он, оглядываясь на смятую постель. Он не чувствовал ни усталости, ни голода, но это можно было списать на магию. — Около недели, — ответил Петри. — Ты опасно переусердствовал с зачарованием. Гарри вспомнил, что переусердствовать с зачарованием может означать, что чары начинают втягивать в себя все большую силу магии, вызывая физическое и психическое напряжение. Классическим примером было наложение Заклинания Незримого Расширения на уже имеющийся объект, что могло привести к взрыву. — Как? — наконец спросил Гарри. Петри покачал головой. — На тебя наложены сложные защитные чары. Я никогда не видел ничего подобного. Оно обожгло меня; тут явно сильная темная магия. Он показал свою забинтованную руку, о которой Гарри едва вспомнил. — На меня наложили чары? Почему? Оно все еще здесь? — Я не знаю, почему. И, к сожалению, оно сломалось после того, как забрало слишком

много энергии. Иначе ты мог бы умереть, — ответил Петри. Гарри кивнул, заметив, что «к сожалению» стоит рядом с «иначе ты мог бы умереть», и нахмурился. Ему было непонятно, кого больше интересует его жизнь — Петри или кого-то еще. Это сводило с ума. — Не беспокойся об этом. А вот твоя палочка, — сказал Петри, потянувшись в карман мантии и доставая знакомую палочку из ивы и драконьего сердца. Казалось, ива — отличное дерево для чар. Палочка Петри тоже была сделана из ивы, хотя Гарри не знал, что собой представляет сердцевина. Он взял в руки свою палочку и ощутил знакомое чувство принятия. Оно было не совсем теплым, но все же успокаивающим. — Грязнокровка хочет учиться? — спросил Розенкол, не глядя на Гарри. У Гарри возникло искушение ответить, что он тоже не Грязнокровка, но он решил, что спорить не стоит. Это было бы неправильное общение со старым раздражительным домовиком. — Да, я знаю, — сказал он. Наконец Розенкол соизволил на него посмотреть. В его больших черных глазах читался тусклый, без энтузиазма взгляд. Они несколько мгновений неловко смотрели друг на друга, прежде чем Розенкол решился заговорить. — Первое заклинание — заклинание света. Ты ведь сможешь его сделать, не так ли? Если ты не маг и не Сквиб. Внезапно Гарри почувствовал себя не так уверенно, как раньше, под пристальным взглядом насмешливого Розенкола и своего настоящего учителя Петри. Он вспомнил, что заклинание называется «Люмос», и почувствовал, что уверенности стало меньше, чем хотелось бы. Он попытался взять себя в руки.

<http://tl.rulate.ru/book/121259/5081879>